

ся инициальные буквы имен: Альфинур (мать) — Айгуль (дочь) — Муллачаны; начальные слоги: Илгиз (отец) — Илсур (сын) — Илдар (сын) — Бариевы, Раис (отец) — Рамил (сын) — Хайруллины; финальные части: Наиль (отец) — Раиль (сын) — Сабировы, Салават (сын) — Руфат (сын) — Сабировы; используются одинаковые корневые компоненты: Камалов Камил, Габдулгалиев Габдулфарит Габдулбарович.

В одной семье дают созвучные имена детям: 1) имена близнецов: Азат — Булат (с. Чикча), Айрат — Айдар (с. Чикча), Айдар — Хайдар (д. Большие Акияры), Исхак — Исмагил (п. Юрты Андреевские), Хасан — Хусаин (д. Есаулово, д. Якуши), Юсуп — Юнус (с. Чикча); Гайша — Фатима (д. Есаулово, д. Муллаши), Лилия — Ляйля (с. Чикча), Рамзия — Танзиля (д. Якуши), Рахиль — Рахима (д. Якуши), Таския — Таскира (с. Чикча), Вали — Валима (с. Чикча), 2) имена родных братьев: Ильнур — Тимур, Рамиль — Раиль; 3) имена родных сестер: Гульнур — Гульнара, Рамзия — Лилия.

Самыми употребительными среди мужских имен являются: Руслан (106), Рустам (93), Ринат (86), Марат (80), Дамир (74) Рамиль (69), Тимур (58), Ильдар (54). Часто встречающиеся женские имена: Лилия (108), Алсу (76), Гузель (74), Зульфья (74), Гульнара (72), Альфия (70), Эльвира (56), Альбина (55), Венера (52).

Таким образом, при помощи словообразовательных суффиксов в татарском языке образовалось достаточное количество имен. Самым распространенным аффиксом является -а, -э, -ия. Большое количество антропонимов образованы с помощью разнообразных инициальных и финальных компонентов. Под воздействием определенной языковой среды появились новые варианты антропонимов. Кроме традиционных способов имяобразования существует и такое, как рифмирование имен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишина Х. Ч. Антропонимия сибирских татар в сравнительно-историческом освещении. Тюмень, 2001.
2. Галиуллина Г. Р. Антропонимия татар города Казани в XX веке. Дис... канд. филол. наук. Казань, 1999. 180 с.
3. Суперанская А. В. Структура имени собственного. М., 1969.
4. Татарская грамматика. Т. 1. Казань, 1995.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2001.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996.

*Елена Николаевна ЕРМАКОВА —
доцент кафедры русского языка
и методики преподавания русского языка
Тобольского государственного педагогического
института им. Д. И. Менделеева,
кандидат филологических наук*

УДК 800.83

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются механизмы вторичного словообразования, определяется характер формальных изменений, происходящих в новых единицах, выявляются семантические и грамматические

свойства новых образований; анализируется характер соотношений логической и лингвистической категоризации сопоставляемых производящей и производной единиц.

The article is devoted to the mechanism of secondary word-formation, formal changes, semantic and grammatical characteristics of new formations as well as the correlation of logical and linguistic categorization is under analysis.

Одно из важных направлений современной лексикологии и фразеологии — исследование специфики обновления и обогащения словарного и фразеологического фонда русского языка. Проблема возникновения и употребления новых слов интересовала лингвистов всегда, но особую актуальность она приобрела в наши дни, в эпоху глобальных преобразований, когда происходит закономерное обновление языка.

Необходимость собирания и изучения новых слов в языке подчеркивалась многими лингвистами. Новые слова в любом языке — это инновации, связанные с развитием и совершенствованием языковой системы. Возникновение любой инновации рассматривается как процесс неологизации. Термин «неологизм» в современном языкознании до сих пор не имеет однозначного определения: Е. В. Сенько определяющим признаком неологизма указывает хронологический критерий [10: 22]; А. Г. Лыков считает, что «принципиальной основой понятия неологизма является качество новизны слова» [5: 99]; в исследованиях Г. И. Миськевич указывается на субъективность ощущения новизны носителей языка как индивидуальное свойство каждого человека [6: 245]; О. А. Габинская предлагает совмещать «индивидуальный характер ощущения новизны ... с коллективным признанием этой новизны» [3: 16].

Большой вклад в теорию неологии внесли В. Г. Гак, Е. А. Земская, В. Г. Костомаров, В. В. Лопатин, Р. Ю. Намитокова, И. Ф. Протченко и др.

Особая роль в теории неологии принадлежит Н. З. Котеловой, которая выделила три конкретизатора сущности неологизма: 1) время (к неологизмам должны относиться слова, которые существуют в определенный период языка и не существовали в предшествующий период); 2) языковое пространство (учитываются сферы и жанры употребления); 3) тип новизны языковой единицы: слово или фразеологизм могут обладать новым значением (семантический неологизм), новой формой (неологизм — синоним к уже существующему слову) или тем и другим вместе (собственно неологизм) [9: 19].

Учитывая все конкретизаторы, Н. З. Котелова рассматривает неологизмы «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет» [4: 7].

Инновации в языке — явление системное, охватывающее все уровни языка, особенно активно неологизмами в современном языке пополняется лексическая система. Процесс неологизации предполагает и взаимодействие разноуровневых единиц языка, в том числе единиц лексического и фразеологического уровней.

Весьма заметным и весомым в современном словообразовании является процесс образования неологизмов, возникших на базе фразеологизмов. Впервые мысль о стяжении нескольких слов в одно высказал И. И. Срезневский, приведя несколько примеров: *спаси бог — спасибо; дьеть сказать — дес-*

кати; ономь дни — намедни; то перво — теперь и др. В. В. Виноградов отмечал: «Фразеологические единицы — это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и способ и источник рождения новых слов» [2: 122].

Проблема соотношения производящий фразеологизм → производное слово многогранна. Имплицирование в сфере «фразеологизм — слово» приводит к снятию основного противоречия фразеологизма *раздельнооформленность — цельность значения*. Большой контекст вызывает «сгущение» содержания, «опущения подробностей, все большую «шифровку» первоначального образа» [7: 123]. Еще А. А. Потебня высказывал мысль о том, что басня есть важнейший источник последующих количественных трансформаций, приводящих к созданию лексической единицы — конечному результату длительного «сгущения мысли». Производное слово теряет фразеологическое значение, которое было свойственно фразеологизму, на базе которого образовалось слово, и приобретает новое, лексическое. Но формирование этого значения — процесс сложный, имеющий глубокие корни: производное слово — предельный результат импликации, оно вбирает в себя весь запас фразеологической информации.

Изучение парадигмы «фразеологическая единица — слово» в дериватологии современного русского языка связано с исследованиями Р. Н. Попова, Н. М. Шанского, В. М. Мокиенко, А. А. Мелерович, Ю. А. Гвоздарева, А. М. Бушуя, В. В. Истоминой, Т. М. Кондратюк, Н. Ф. Алефиренко, Е. В. Сенько, В. Н. Пугач, А. В. Петрова и др. Новые единицы рассматриваются лингвистами в различных аспектах, но явление это до сих пор не признано как система и требует комплексного рассмотрения и основательной лексикографической разработки.

Н. М. Шанский писал: «Так как слова состоят из морфем, в то время как фразеологические обороты состоят из слов, то кажется логичным, что возможен только один путь — от слова к фразеологизму. Этим прежде всего и объясняется недостаточная разработка вопроса о роли фразеологизмов в формировании лексической системы языка» [12: 128].

В лингвистической литературе до сих пор нет единого определения для наименования процесса образования неологизмов на базе фразеологических единиц, нет и единого наименования для тех единиц, которые образуются. Это явление характеризуют как лексикализацию словосочетания (Р. Н. Попов), отфраземное словообразование (Е. В. Сенько, В. Н. Пугач), отфразеологическое словопроизводство (А. М. Бушуй), отфразеологическую деривацию (А. В. Петров), семантическое сжатие (Т. Н. Семенова), а производные лексемы соответственно называют отфразеологическими лексемами, отфраземными словами, отфразеологическими дериватами.

Мы считаем, что процесс образования неологизмов (новых слов) на базе фразеологизмов было бы правомерно отнести к словообразованию в сфере фразеологии, а рабочим определением для появившихся новообразований может служить сложный термин «слова, образованные на базе фразеологизмов».

Преобразование фразеологических единиц заключается в обновлении словесных связей, в создании таких контекстов, в которых выступают легко узнаваемые слова, образованные на базе известных фразеологизмов. Очень часто такие лексемы воспринимаются как окказионализмы, как творчество одного человека. Именно поэтому В. В. Лопатин предлагает авторские окказионализмы рассматривать как эгологизмы. Если же налицо удачная сочетаемость, то это обновляет и расширяет значение слова. Такие индивидуальные сочетания со временем могут стать устойчивыми, популярными и общеупотребительными. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин создал окказионализмы *всенипочемство*, *душедрянствовать*, *фиговидец*; А. В. Суворов — *ничегониделание*, *немогузнайка*; Е. Евтушенко — *кабычегоневышлизм*, которые используются в современ-

ном русском языке довольно активно и не воспринимаются сейчас как лексемы одного автора.

Процесс образования новых слов на базе фразеологизмов происходит как взаимодействие разноуровневых единиц языка: единиц фразеологического и лексического уровней. Взаимодействие проявляется в том, что устанавливается логическая связь между соотносительными производящим фразеологизмом и производной лексемой. Естественно, что процесс объединения двух или нескольких слов в одно не приводит к значительному сдвигу в значении появляющегося слова: *рыть (копать) яму кому, под кого* — «строить козни, причинять неприятности, вредить»; *ямокопатель* — «тот, кто строит козни, причиняет неприятности, вредит».

Роя яму для других, как правило, ее копатели угадывали туда если не первыми, то в очередной шеренге (Астафьев. Так хочется жить). — [Тарелкин:] Приятели мои, *ямокопатели*, предатели, — прощайте! Кредиторы мои, грабители, пиявки, крокодилы... прощайте! (Сухово-Кобылин. Смерть Тарелкина).

Образование слова на базе фразеологизма может осуществляться двумя способами. Один из них — вычленение из состава фразеологической единицы одного из ее компонентов, «который получает затем самостоятельное употребление в языке и наделяется тем значением, которое раньше было свойственно всему фразеологизму в целом» [8; 160]. «В самом деле, — писал В.В.Виноградов, — словосочетание нередко сжимается в одно слово, которое и воспринимает функцию целой идиомы» [2; 123].

Н. М. Шанский характеризует этот способ словообразования как лексико-семантический. Это явление также получило название ренегация (В. П. Изотов); лексико-фразеологическая конденсация (Н. Ф. Алефиренко); некоторые лингвисты такой способ образования слов характеризуют как эллипсис, при котором компонент фраземы принимает на себя значение всего оборота или приобретает значение, которого не имеет в составе фраземы.

Но прежде чем такое слово войдет в лексическую систему языка, оно должно утратить свое прежнее значение в структуре фразеологической единицы и «наполниться» новым. В этом случае между соотносительными единицами может наблюдаться семантическая и грамматическая тождественность: *бить баклуши* — «бездельничать, заниматься пустяками» → *баклушничать* — «то же, что бить баклуши»; может проявляться семантическое тождество при грамматическом отличии: *приносить/принести жертву* — «делать что-либо ради кого-либо или чего-либо, поступаясь собственными интересами» → *жертвоприношение* — «обряд принесения жертвы (в 1 знач.)».

Механизм наделения одного компонента значением всего фразеологизма в целом описала О. С. Ахманова: «...у слов, входящих в состав фразеологических единиц, возникают новые значения, сперва «потенциальные», как бы «поглощенные» суммарным звучанием сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, выделиться, приобрести способность отдельного воспроизведения» [1; 170].

Способностью к вычленению из состава фразеологических единиц и употреблением в качестве самостоятельного неологизма обладают не все компоненты фразеологизма, а только те, которые образуют «семантический центр». Это может быть глагольный компонент: *рассыпаться мелким бесом* → *рассыпаться*, *плести небылицы* → *плести*, *влипнуть в историю* → *влипнуть*, *закладывать за воротник* → *закладывать*, *заморочить голову* → *заморочить*, *зарубить себе на носу* → *зарубить*. В этих и подобных фразеологизмах грамматически главный компонент, семантический центр — глагол, «на основе его значения складывается процессуальная семантика всей фразеологической

единицы, он оформляет глагольными категориями ФЕ; компоненты прилагательное и существительное дополняют, конкретизируют семантику процессуальности. Глагол-компонент, вычлняясь, способен употребляться как номинация действия, обогащаясь значением всей фразеологической единицы» [11; 130].

Образование новых значений способом вычленения характерно не только для процессуальных фразеологизмов, например, на базе фразеологизма *краеугольный камень* – «основа, важнейшая, существеннейшая часть; главная идея» образуется значение прилагательного *краеугольный* — «очень важный, существенный». Но все же процессуальные фразеологизмы служат производящей базой для новых слов гораздо чаще, нежели фразеологические единицы других семантико-грамматических классов.

Усложнение значения или экспрессивности связано, по всей видимости, с происхождением самой фразеологической единицы из пословицы, единицы двуплановой и семантически емкой. Если фразеологическая единица активна в употреблении и однозначна, вычленение компонента и выполнение им самостоятельной функции облегчается: *отлегло от сердца* — «кто-либо испытывает чувство облегчения, успокоения» → *отлегло* (то же значение):

Граф снова засмеялся, молоденький офицер с почтением вторил ему из темноты, и у Авросимова совсем *отлегло*. (Б. Окуджава. Глоток свободы). Нипочем бы Тюкин не стал читать [для политучебы] с субботы, мало надеясь запомнить, но в воскресенье после его дежурства намечали они с сестриным мужем крепко *заложить*, в понедельник утром с опохмелку эта мура тем более в голову не ползет (А. Солженицын. В круге первом).

Более подробное освещение получил в научной литературе второй способ образования слов на базе фразеологизмов, сущность которого заключается в том, что компоненты фразеологизма соединяются в одну лексему, то есть «фразеологизм как бы «сжимается» до размеров одной лексической единицы [7; 160]: *ломать голову* → *головоломка*, *добрая душа* → *добродушный*, *валить дурака* → *дуракаваляние*, *злые намерения* → *злонамеренный*, *вертеть хвостом* → *вертихвостка*, *глядеть по верхам* → *верхогляд*, *скалить зубы* → *зубоскальство*, *вышибать слезу* → *слезовышибатель* и др.

Базой для образования слов могут служить фразеологизмы с разным количеством компонентов: двухкомпонентные (*горе мыкать* → *горемычный*; *за кулисами* → *закулисный*; *злые языки* → *злозязычный* и др.); трехкомпонентные (*в самом деле* → *всамделишный*; *не без греха* → *небезгрешный*; *не у места* → *неуместный*; *сшибить с ног* → *сногсшибательный* и др.); четырехкомпонентные (*не в свое время* → *несвоевременный*); пятикомпонентные (*переливать из пустого в порожнее* → *пустопорожний*). В основном образование слов на базе фразеологизмов осуществляется преимущественно на базе двухкомпонентных фразеологизмов (по нашим данным, из 720 единиц — 72%), на базе трехкомпонентных фразеологизмов образовано 27% слов, образования на базе четырехкомпонентных и пятикомпонентных единичны.

И в этом случае наиболее активны в качестве производящих фразеологизмы процессуальной семантики. От таких фразеологизмов образуются существительные со следующими значениями: носитель процессуального признака (*белоручка*, *ветрогон*, *первопроходец*, *пустозвон*, *скалозуб*, *ротозей*, *толстосум* и др.), отвлеченный процессуальный признак (*очковтирательство*, *шапкозакидательство*, *головоломка*, *шапколомание*, *вседонаплевизм*, *всеядность*, *верхоглядство*, *бумагоиспускание*, *лежебочество* и др.).

Подстрекатели, *горлодратели*, вы натравливаете без стыда (Есин. «В редкие месяцы на берегу»). Нет уж, извините, это никакая не научная работа, а *бумагоиспускание!* (Д. Гранин. «Зубр»). Несложные в общем-то технические

задачи часто превращаются в *головоломки*. (Комс. правда, 11.04.2004). Правда, рискуем теперь мы. Ошибаемся в ремонте ... и вот тогда *головотяпство* и недоделки некоторых специалистов с молчаливого их согласия скроются за нашей ошибкой. (АиФ, №47, 2003).

Значение слов, образованных на базе фразеологизмов, всегда производно и мотивировано значением производящего фразеологизма. Об отношениях производности следует говорить только тогда, когда значение производного слова может быть истолковано через значение производящего. Так, фразеологизм *ломать голову* имеет значение «усиленно думать», от этого фразеологизма образовалась лексема *головоломка* со значением «задача, при решении которой приходится ломать голову», с другой стороны, от фразеологизма *ломать голову* образовалась лексема *головоломный* со значением «такой, при решении которого требуется ломать голову»; в свою очередь, лексема *головоломный* послужила мотивирующей базой для лексемы *головоломность* со значением «свойство по прилагательному *головоломный*» [13; 222].

В этом случае есть все основания утверждать, что мы имеем дело с разноуровневым деривационным гнездом, вершиной в котором является производящий фразеологизм, а производными — лексемы, отличающиеся друг от друга словообразовательными элементами и относящиеся в основном к разным частям речи.

Так, большинство единиц способны образовать деривационные гнезда, число лексем в которых может быть, по нашим наблюдениям, от трех до восьми: *мыкать горе* → *горемыка, горемычный*; *два лица* → *двуликий, двуличность, двуликость*; *добрая воля* → *добровольный, добровольно, доброволец, добровольность*; *пустой звон* → *пустозвон, пустозвонный, пустозвонно, пустозвонство*; *по пути* → *попутный, попутно, попутка, попутчик, попутчица*; *без толку* → *бестолково, бестолковка, бестолковость, бестолковщина, бестолочный, бестолочь*.

Разноуровневое гнездо в своем дальнейшем развитии может пополняться однокоренными дериватами, которые непосредственно уже не восходят к первоначальной производящей основе. Так, фразеологизм *злоба дня* дал жизнь лексеме *злободневный*, которая послужила базой для производных лексем *злободневность* и *злободневно*. На этом развитие не заканчивается: лексемы *злободневный, злободневность, злободневно* стали употребляться в сочетании с бывшим самым частотным определением фразеологизма (*острая*) *злоба дня* которое присоединилось к производной лексеме: в языке появились лексемы *острозлободневный, острозлободневно*.

Производный неологизм и производящая фразеологическая единица, как правило, в языке сосуществуют; реже производящая и производная единицы утрачивают связь: *бузотер, головотяпский, головотяпство*.

Очевидно, что фразеологизмы русского языка являются одним из источников пополнения лексического состава языка. Фразеологическая единица, послужившая базой для образования слова, и слово, возникшее на базе фразеологизма, сосуществуют в языке как единицы разных уровней одного временного периода. Анализ путей мотивации, формирования и становления гнезд — задачи, которые требуют дальнейшего разрешения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
2. Виноградов В.В. Современный русский язык (Введение в грамматическое учение о слове). Вып.1. М., 1938.
3. Габинская О.Г. Типология причин словотворчества. Воронеж, 1981.
4. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 8-9.

5. Лыков А. Г. Русское окказиональное слово в аспекте теории и методики // Лексикология. Тезисы 2-ой межвузовской конференции. М., 1990. С. 76-80.
6. Миськевич Г.И. Новые слова, их принятие и нормативная оценка (проблема новых слов в культурно-речевом аспекте) // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 243-272.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.
8. Попов Р. Н. Фразеологизмы русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976.
9. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка: Учебное пособие. М., 2005.
10. Сенько Е. В. Инновации в современном русском языке. Владикавказ, 1994.
11. Соловьева А. Д. Фразеологизм как мотивирующая единица // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. Барнаул, 1986. С. 127-134.
12. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.
13. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004.

*Зифа Какбаевна ТЕМИРГАЗИНА —
зав. кафедрой теоретической и прикладной
лингвистики Павлодарского государственного
педагогического института (Казахстан),
доктор филологических наук, профессор.*

УДК 81Г1

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается феномен вербальной агрессии с коммуникативно-прагматических позиций. Предлагается дифференциация ее с точки зрения способа языковой репрезентации на прямую и косвенную, а также анализируется один из типичных сценариев проявления вербальной агрессии в русском языке.

On this article the verbal aggression from the communicative-pragmatic viewpoint is considered. The differentiation it from the direct and reported, and it is also analyzed from its typical script of manifestation of the verbal aggression in the Russian language.

Речевую (вербальную) агрессию в лингвистике последних лет понимают по-разному. Во-первых, как стилистическую тенденцию, характеризующуюся проникновением в литературную речь «нелитературных» стилей - просторечия, жаргона, арго. В рамках этого подхода рассматривается так называемая «криминализация» речи. Во-вторых, значительное увеличение частотности употребления пейоративных лексических средств в современной русской речи, как устной, так и письменной. В-третьих, более узко эту проблему рассматривают в когнитивной лингвистике при исследовании военной лексики как базового источника образных метафорических выражений.

В своей работе мы предлагаем взглянуть на вербальную агрессию как специфическое сугубо коммуникативно-прагматическое явление и определить ее свойства именно с этих позиций.

Вербальную агрессию можно отнести к разряду деструктивного межличностного общения. В него включают те формы и особенности межличностных коммуникативных контактов, которые пагубно, разрушительно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения. В психологии к видам деструктивного общения, помимо вербальной агрессии, относят манипулятивное